

Проснувшись, он на миг потерял счёт времени — то ли вечер уже наступил, то ли ещё утро тянулось. Фу Цзяньси лежал на животе, лениво разглядывая бьющий сквозь щель в плотных шторах солнечный луч. Раз на улице всё ещё день, нужно подниматься и добывать какую-никакую еду.

Он резко раздвинул портьеры и на пару минут застыл у окна, бессмысленно глядя на улицу. Живот, обделённый обедом, глухо заурчал от голода — жрать хотелось нешуточно. Цзяньси решил припахать к делу растеряху Дацзяня и скататься в супермаркет: к вечеру безумно захотелось тушёной говядины.

— Подъём, в супермаркет пора, — буркнул Цзяньси, шлёпая сланцами по лестнице.

Спустившись, он от души забарабанил в дверь гостевой спальни. Обычно, когда Цзяньси уходил в ночную смену, Дацзянь использовал его дом исключительно как бесплатный спальный салон.

— Блядь! Потише можно? — донеслось из-за двери. — У меня от твоего грохота чуть инфаркт не случился! Если у меня теперь не встанет, ты перед моей будущей женой отдуваться будешь?

Дверь приоткрылась. На пороге появился Дацзянь. Он щурился от света и недовольно морщил нос. Накануне он явно забыл смыть бриолин, и теперь его шевелюра, измятая подушкой, нелепо завалилась на один бок.

— Ты сначала раскинь карты и узнай, где твоя суженая вообще шляется, — отозвался Цзяньси, подпирая плечом косяк ванной. — С твоим отношением к делу, когда ты её наконец встретишь, она тебя первым делом калеккой сделает, чтоб по сторонам не заглядывался.

Дацзянь тем временем умудрился уронить колбаску зубной пасты прямо на кафель. Чертыхаясь, он выдавил порцию заново, замахнулся щёткой, но спросонья промахнулся и ткнул себе аккурат в угол рта.

— Ай, чёрт!

— Слышь, Цзяньси, ты мне тут зубы не заговаривай, — прошамкал Дацзянь сквозь мыльную пену. — Будешь вякать — солью твои голые фотки на университетский форум. Пусть твои тамошние фанаты обоего пола хоть слюной изойдут от такой клубнички.

— Шевелись давай. Супермаркет, мясо. Если я сегодня не поем говядины, то точно кого-нибудь придушу, — бросил Цзяньси и пошагал к выходу.

Выйдя во двор, он подхватил стоящее в углу ведро, набрал ледяной воды из-под крана и принялся поливать клумбы.

Сегодня утром бабушка Линь напомнила ему, что дедовский гибискус давно пора подрезать. Цзяньси только вздохнул: как, чёрт возьми, подрезать этот куст? С какой стороны к нему подступиться? Лично ему, кроме как выкорчевать всё под корень, ничего в голову не приходило. Садоводство — наука тёмная, тонкая штука, тут уметь надо. С этими мыслями он обошёл весь палисадник, щедро делясь влагой с местной флорой, и только закончив, заметил, что умудрился заляпать грязью чистые кроссовки.

Раздался оглушительный грохот — это Дацзянь со всей дури хлопнул входной дверью. Цзяньси вскинул голову. С козырька крыльца посыпалось крошево старой штукатурки, а подвесной фонарь сиротливо качнулся. Поставив ведро, Цзяньси решительно зашагал навстречу спускающемуся по ступеням вредителю.

Сунув руки в карманы, Цзяньси с каменным лицом ждал, пока тот подойдёт поближе. Едва между ними остался шаг, он без предупреждения подсек Дацзяня пинком под коленку.

— Ой, бя! — взвыл Дацзянь.

Он ведь чувствовал, что от спокойного Цзяньси ничего хорошего ждать не стоит. Вид у того был невинный, но именно в такие моменты наружу вылезала вся его паршивая сущность. Уклониться Дацзянь не успел — удар пришёлся точно в цель. Он покачнулся, пролетел пару шагов вперёд, но чудом удержался на ногах. Цзяньси бил в полсилы, иначе Дацзянь точно вписался бы носом в клумбу.

— Полегче! Забыл я, забыл! Эй, мы же цивилизованные люди, какого хера драться среди бела дня?! Мать твою! — Дацзянь припустил к калитке, уворачиваясь от нового пинка, который Цзяньси на этот раз целил ему в икру.

— Хэ Цзянь, клянусь, наступит день, и тебя пришибёт этим чёртовым козырьком! — крикнул ему вслед Цзяньси.

— Моему дому тридцать лет, там входную дверь без богатырского замаха вообще не закроешь! А у тебя доводчик бешеный, я-то тут при чём? Эй, опять?! Хорош драться! Думаешь, я тебя боюсь?!

Так они и шли до ворот, вяло отмахиваясь друг от друга: шуточные пинки, ленивые затрещины — за десяток размеренных пассивов ни один не пострадал.

Цзяньси не помнил, где подцепил эту фразу.

«Любовь — это воздержание»

Но раз уж он из раза в раз подавлял в себе страстное желание прибить Дацзяня на месте, это точно была она. Настоящая, мать её, любовь.

— Эй! Гляньте на меня! Гляньте!

Стоило им поравняться с соседним участком, как со второго этажа донёлся звонкий, способный мёртвого поднять голос Линь Буюй.

— Захватите мне питьевой йогурт! Две бутылки, с кусочками манго! Заранее спасибо, целовать не надо!

— О-о-о, Королева снизошла до нас! — ухмыльнулся Дацзянь. — Ваше Величество, не пристало вам из окон высовываться, лицо растеряете...

Договорить Линь Буюй ему не дала.

— Кончай паясничать на всю улицу, твой искромётный юмор давно приказал долго жить. Давайте одна нога здесь, другая там. Я вам с обеда рыбу оставила. С вас две бутылки йогурта под залог честной, чистейшей рыбы!

Они успели отойти довольно далеко, но чистый голос Буюй настиг их и у самого поворота. Когда она говорила «чистейшая рыба», она наверняка имела в виду, что та не замешана ни в каких тёмных делишках.

Местный супермаркет оказался среднего размера, но с приличным ассортиментом — найти здесь можно было всё необходимое. Район, где сейчас обитал Цзяньси, застроили лет пятнадцать назад на месте снесённого частного сектора. Тем семьям, у которых старые участки были побольше, выделили двухэтажные коттеджи наподобие тех, в которых жили его дед и бабушка Линь. По краям этот квартал обрамляли трёх- и четырёхэтажные таунхаусы с каскадной планировкой. Владельцы более скромных наделов получили квартиры в многоэтажках через дорогу — там теперь кипела совсем другая жизнь. А на том берегу реки Циньхэ раскинулся иной мир: элитный жилой комплекс площадью в несколько миллионов квадратных метров с высотками, бизнес-центрами, таунхаусами и виллами. Со временем там выросла вся необходимая инфраструктура: огромные торговые центры, современные школы и клиники.

За годы реконструкции старая часть города изменилась до неузнаваемости, почти ничего не оставив от воспоминаний детства.

Он смутно помнил реку Циньхэ тех времён — ту самую, в которой когда-то утопили слепых котят. Тогда её берега не сковывал гладкий мрамор, над водой не выгибались изящные арки мостов, а по течению не скользили прогулочные катера. В детстве речушка казалась мелкой и удивительно чистой. Они втроём ловили в мутном иле вьюнов, вычерпывали крошечных, с мизинец, рыбёшек и таскали домой вёдрами обкатанную гальку, чтобы потом часами шумно делить эти «сокровища» во дворе.

Годы ушли, унеся с собой прежний мир.

Добравшись до мясного отдела, Цзяньси облюбовал кусок грудинки с идеальными тонкими прожилками жира. Он вообще предпочитал мясо пожирнее, будь то говядина или баранина. Хотя, конечно, филе хорошей рыбы без костей он любил куда больше, а ко всему остальному относился равнодушно.

— С чем тушить будешь? — поинтересовался Дацзянь, лениво перебирая упаковки с куриными крылышками.

Он глянул на увесистый свёрток в руках Цзяньси и ухмыльнулся. Сколько лет он знал этого парня, столько поражался его маниакальной любви к красному мясу. Дацзянь порой ловил себя на мысли, что благодаря диете друга сам вымахал на пару сантиметров выше нормы. А если прибавить к этому отличную генетику, становилось понятно, почему на подиуме он сейчас чувствовал себя королём.

«До чего же я всё-таки хорош!»

Дацзянь мысленно восхитился собственной неотразимостью.

— Помидоры, картошка или дайкон? Выбирай, — Цзяньси озвучил три варианта, хотя сам понятия не имел, к чему лежит душа. Да и какая разница, что пойдёт на гарнир, когда есть отличное мясо?

— Помидоры или дайкон. Выбирай сам, — Дацзянь легко сократил список и вернул пас другу.

— Давай дайкон... А с крыльями ты что делать собрался? Я их готовить не умею, — Цзяньси бросил взвешенную говядину в тележку и покосился на добычу друга.

Кулинарные таланты Цзяньси исчерпывались парой-тройкой блюд, которые дед вколачивал в него года четыре. Получалось, что за год он осваивал от силы один рецепт. Из-за этого он частенько сомневался, не обделила ли его природа базовыми жизненными навыками.

— Моя дражайшая матушка поделилась со мной секретным рецептом. Сегодня испытаю его на вас с Буюй, — ухмыльнулся Дацзянь.

Его монолог прервала возникшая перед ними плотная женщина средних лет.

— О, Цзяньси! Мяском закупаешься? — заговорила она с приторным любопытством, лишь бы завязать беседу.

— Здравствуйте, тётушка Ли. Балуете внука вкусеньким? — Цзяньси протянул руку и легонько потрепал по щеке сидевшего в магазинной тележке карапуза.

Малышу было от силы года два — пухлый, круглолицый, с намокшим от слюней нагрудником.

Цзяньси жил бок о бок с двумя соседями. Справа тянулся забор бабушки Линь — они с его покойным дедом когда-то вместе выступали в одном театре, были старыми друзьями и соратниками. Слева же, в новом доме, обосновалось семейство Ли. Цзяньси почти не пересекался с остальными жильцами этого дома, ограничиваясь дежурными кивками при случайных встречах.

Они и раньше частенько сталкивались в магазине, но тётушка Ли никогда не проявляла к нему такого горячего интереса. С чего вдруг сейчас её так потянуло на разговоры?

— Ой, да какое там вкусненькое! Эти мелкие из нас только верёвки вить умеют, — театрально вздохнула тётушка Ли, поправляя съехавшую шапочку внука. — Сначала своих детей поднимаешь, потом внуков нянчишь — вечная карусель.

Она перевела взгляд на парней, и в её взгляде мгновенно вспыхнул нездоровый азарт.

— Слышала, твой отец объявился? Ну, тогда понятно, почему ты за мясом пришёл. Такого гостя надо уважить.

Она так и впилась в Цзяньси жадным, выжидающим взглядом, надеясь уловить хоть какую-то реакцию.

При слове «отец» у Цзяньси внутри что-то дрогнуло, но он тут же взял себя в руки.

— И когда же вы его видели? — ровным тоном спросил он, глядя прямо в лоб соседке.

— Что?! — Дацзянь резко обернулся.

Он наградил сплетницу брезгливым взглядом, после чего взволнованно уставился на Цзяньси. Не обнаружив на его лице ни тени паники, Дацзянь шумно выдохнул и демонстративно вернулся к изучению витрины.

— Да вчера же! Неужто я обозналась? — Тётушка Ли вытащила изорванный слюнявчик изо рта плачущего внука. — Крутился около твоего палисадника, ходил туда-сюда и скрылся.

— Раз уж он даже в дом зайти не смог, то и мясо это точно покупается не для него, — холодно отрезал Цзяньси. — Хорошего вам дня, тётушка Ли.

Не дожидаясь, пока соседка захлебнётся собственной злостью, он покатил тележку к кассам.

— Какая же сука длинноязыкая, — не унимался Дацзянь, шагая следом. Говорил он достаточно громко, чтобы каждое слово долетело до ушей стоявшей позади женщины. — Какое её собачье дело? Ей что, мало сериалов по телевизору, надо чужую грязь поворошить? Столько лет живёт на свете, а всё норовит в чужую тарелку плюнуть. Тьфу, мерзость!

Цзяньси лениво развернулся к другу, удерживая тележку одной рукой.

— Хватит ныть, аппетит портишь. Мне уже самому тошно.

— Да какой, блядь, аппетит! — Дацзянь преградил ему дорогу и заглянул в глаза. — Очнись, Цзяньси! Фу Тяньюй вернулся!

— Ну вернулся, и что? Из-за него я голодным оставаться не собираюсь, — пожал плечами Цзяньси. — Зачем он обычно притаскивается? Либо просить денег, либо отдавать долги. Хотя последнее — из области фантастики. Мне до его дел фиолетово.

«Раз уж Дацзянь паникует за двоих, то мне и вовсе дёргаться не к чему»

В глубине души Цзяньси даже почувствовал облегчение.

— Тебе легко говорить, — вздохнул Дацзянь. — Стоит ему показаться на пороге, как из всех щелей опять полезут коллекторы.

Цзяньси отмахнулся. Стоило отцу замаячить на горизонте, как начинались эти унылые разговоры. Он слышал их из раза в раз и давно привык. В его жизни не осталось ничего, что могло бы выбить его из колеи или заставить лить слёзы.

— Нам суждено разгрести это дерьмо до конца его дней, — спокойно произнёс он. — Раньше, позже — какая разница? Это тебе не школьная стрелка, где можно собрать толпу, забить время и место. Спустишь на землю, Цзянь-е.

Цзяньси говорил буднично и ровно, на его лице не отразилось ни единой эмоции. Дацзянь украдкой бросил на него быстрый взгляд, пытаясь уловить признаки скрытой бури, но тщетно. Цзяньси, которого он знал всю жизнь, всегда казался слишком сильным. И слишком уставшим. Ненужный матери, брошенный отцом, он сначала вместе с дедом хоронил тяжелобольную бабушку, а потом — уже в полном одиночестве — провожал в последний путь и самого деда.

Он упрямо карабкался вверх, выстраивая свою жизнь по крупикам, преодолевая любые невзгоды, но всякий раз находился кто-то, кто с готовностью хватал его за лодыжки и тянул обратно в болото.